

Дипломатия Советского государства

Г.В. Чичерин в оценках французских дипломатов и публицистов (1918–1924)

Искандэр Магадеев

G.V. Chicherin as estimated by the French diplomats and media (1918–1924)

Iskander Magadeev

(Moscow State Institute (University) of International Relations, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722050120, EDN: KLNQLI

Личность Георгия Васильевича Чичерина, наркома по иностранным делам РСФСР и СССР, традиционно привлекала достаточно пристальное внимание отечественных и зарубежных историков. Этот дипломат и политик, совмещавший верность основным постулатам марксизма, с одной стороны, (хотя он и не был «стопроцентным большевиком», придерживаясь в своё время левого меньшевизма), и традиции «реальной политики» — с другой, нередко удостоивался позитивных оценок.

Однако те грани деятельности Чичерина, на которых акцентировали внимание исследователи, разнились. Если в советский период подчёркивалась его верность «ленинским принципам внешней политики Советского государства»¹, то после 1991 г. нередко на первый план стал выходить прагматизм и даже некоторый традиционализм его дипломатии. Так, в 1998 г. историк А.А. Ахтамзян отмечал, что «дипломатическая деятельность Г.В. Чичерина, [основанная] на принципах мирного сосуществования, предстаёт как альтернатива коминтерновской миссии на мировую революцию... Государственная прагматическая линия была направлена на обеспечение национальных интересов Союза ССР, точнее, традиционных национальных интересов России»². Вместе с тем в целом ряде исторических трудов внешнеполитическая деятельность Чичерина представляла амбивалентной, совмещавшей в себе революционную и «реалистскую» парадигмы. Они не столько были противопоставлены одна другой, сколько варьировались наркомом в зависимости от текущих целей, того или иного вопроса и международного контекста в целом³.

© 2022 г. И.Э. Магадеев

¹ Трофимова Л.И. Вступительная статья // Г.В. Чичерин. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. С. 3. См. также: Горохов И.М., Замятин Л.М., Земсков И.Н. Г.В. Чичерин — дипломат ленинской школы. М., 1973; Петров В.С., Белов В.И., Каренин А.А. Ленинская внешняя политика СССР: развитие и перспективы. М., 1974.

² Ахтамзян А.А. Национальные интересы России и дипломатический стиль Г.В. Чичерина // Традиции российской дипломатии. Национальные интересы и дипломатическая деятельность Г.В. Чичерина. М., 1998. С. 15. См. также: Воронин Е.Р. Дипломатия Чичерина как инструмент обеспечения государственных интересов в условиях кризисного развития в Европе // Аналитические доклады Института международных исследований. Вып. 1(44). М., 2015.

³ О'Коннор Т.Э. Георгий Чичерин и советская внешняя политика 1918–1930 гг. М., 1991; Томас Л.Я. Жизнь Г.В. Чичерина. М., 2010; Макаренко П.В. Нарком Г.В. Чичерин и советская внешняя политика // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 105–111;

Выявление различных граней внешнеполитической деятельности Чичерина предполагает и анализ её оценок за рубежом. При достаточно большом количестве биографических исследований, посвящённых нарком, характер восприятия его личности и деятельности французскими современниками исследовался намного реже и, как правило, лишь вскользь упоминался в обобщающих работах или статьях по советско-французским отношениям⁴. Если исходить из того, что дипломатия практически всегда является формой взаимодействия нескольких сторон, то позиция «партнёра» или противника важна для более глубокого понимания действий самой Москвы. Примечательно, что внимание к своего рода «перекрёстной истории» («они» — о «нас», «мы» — о «них») — характерная черта ряда российских исследований взаимоотношений СССР и стран Запада в 1920-е гг.⁵

Пример Франции представляется важным в нескольких отношениях. Во-первых, Третья республика в 1918–1924 гг. являлась одной из наиболее могущественных европейских держав. Даже в сентябре 1923 г., в разгар надежд Кремля на скорый «немецкий Октябрь», председатель Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала Г.Е. Зиновьев признавал, что «империалистическая Франция в военном отношении, несомненно, представляет собою крупную силу, имея громадное преобладание в области воздушного флота и в области техники вооружения вообще»⁶. Французские оценки в отношении Чичерина были одним из компонентов в выстраивании советско-французского взаимодействия и заслуживают внимания.

Во-вторых, сам Чичерин в своей дипломатии был склонен придавать отношениям с Третьей республикой серьёзное значение и иногда даже рассматривался своими товарищами по партии и правительству как своего рода «франкофил».

В-третьих, Франция нередко представляла в советских оценках как своеобразный лидер антисоветского «лагеря», подчас даже более непримиримый, чем Великобритания. В ноте от 12 марта 1921 г., переданной турецкому послу А. Фуаду, Чичерин отмечал, что «французское правительство является самым непримиримым и самым последовательным нашим врагом, никогда не колебавшимся и не отступавшим»⁷. Значило ли это, что его оценки во Франции были исключительно негативными? Ответ на этот вопрос позволит продемонстрировать нюансы советско-французских отношений периода непризнания.

Магадеев И.Э. Правящие элиты Запада и Советское государство // Война, революция, мир. Россия в международных отношениях. 1915–1925. М., 2019. С. 367–388.

⁴ *Ревякин А.В.* 1922–1924: за кулисами дипломатического признания // Россия и Франция. XVIII–XX вв. Вып. 1. М., 1995. С. 217–237; *Кёре С.* Русские или большевики? Франция и французы и признание Советского Союза // Россия и Франция: 300 лет особых отношений. М., 2010. С. 207–215; *Hogenhuis-Seliverstoff A.* Les relations franco-soviétiques 1917–1924. P., 1981; *Cœuré S.* La grande lueur a l'Est: Les Français et l'Union soviétique. P., 1999; *Dessberg F.* Le triangle impossible: les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935). Bruxelles, 2009.

⁵ Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998; *Голубев А.В.* «Подлинный лик заграницы»: образ внешнего мира в советской политической карикатуре, 1922–1941 гг. М., 2018. О проблематике «образа Другого» в российско-французских отношениях см. также: *Гордон А.В.* Сквозь лабиринт стереотипов: Три века постижения Другого // Образ современной России во Франции. Опыт междисциплинарного анализа. М., 2012. С. 11–48.

⁶ Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. М., 2004. С. 190.

⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959. С. 589.

В данной статье выявляются основные элементы восприятия личности и дипломатии Чичерина со стороны французских дипломатов, публицистов и «лидеров общественного мнения» в один из наиболее сложных периодов советско-французского взаимодействия: с осени 1918 г. — активизации французской интервенции в Советской России и до октября 1924 г. — времени официального установления дипломатических отношений СССР и Франции.

Не признавая в указанный период СССР, Париж крайне внимательно следил за внешнеполитической активностью Москвы в целом и за деятельностью Чичерина в частности⁸. Эффектное и эффективное появление наркома на Генуэзской конференции весной 1922 г. усилило внимание французских дипломатов и публицистов к его фигуре⁹. 100-летний юбилей данной конференции придаёт дополнительную актуальность изучению внешних оценок советской дипломатии на ранних этапах её развития.

Источниковой базой статьи послужили материалы Дипломатического архива Министерства Европы и иностранных дел Франции (фонд Корреспонденции по торговым и политическим вопросам¹⁰, а также личный фонд президента А. Мильерана¹¹), документы Исторической службы Министерства вооружённых сил Франции (фонды председателя Совета министров Ж. Клемансо¹² и французской военной миссии на Кавказе¹³), а также опубликованные тома «Дипломатических документов Франции»¹⁴.

Образ Чичерина, выходца из древнего дворянского рода и бывшего сотрудника МИД Российской империи, изначально не вписывался в стереотипные французские представления о большевиках. Характерный пример — афиша «Большевик с ножом в зубах», выпущенная иллюстратором А. Баррьером перед парламентскими выборами в Третьей республике (16 ноября 1919 г.) и изображавшая большевика в утрированном виде «мужика», охваченного дикими и неконтролируемыми эмоциями¹⁵. Французский сенатор А. Годен де Виллен в апреле 1922 г. полагал, что французское общественное мнение «и поныне наивно воспринимает большевиков как людей с ножом в зубах»¹⁶.

Согласно другой, «общепринятой на Западе метафоре», большевизм был «заразной болезнью, чумой, вирусом, моровым поветрием, грозящим мировой социалистической революцией»¹⁷. Бывший российский посол во Франции В.А. Маклаков не без гордости вспоминал, что после октября 1917 г. он

⁸ Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг. Т. 1–2. СПб., 2021.

⁹ Хормач И.А. Советское государство на международной конференции в Генуе по экономическим и финансовым вопросам. 10 апреля — 19 мая 1922 года // Новая и новейшая история. 2020. № 3. С. 80–106.

¹⁰ Archives du Ministère des Affaires étrangères (далее — AMAE). Correspondence politique et commerciale. Série Z-Europe, 1918–1940 (117 CPCOM). Vol. 351.

¹¹ AMAE. Papiers d'agents. Papiers Millerand (118 PAAP). Vol. 67.

¹² Service historique de la défense (далее — SHD) / Département de l'armée de terre (DAT) 6N 53.

¹³ SHD/DAT, 7N 3119.

¹⁴ Documents diplomatiques français (далее — DDF). 1920–1932. Vol. 1–11 (1920–1924). P.; Bruxelles, 1997–2013.

¹⁵ Le couteau entre les dents. 70 ans d'affiches communistes et anticommunistes. P., 1989.

¹⁶ M. Tchitcherine. Quelques souvenirs personnels de M. Gaudin de Villaine, sénateur // Le Gaulois. 1922. 10 avril.

¹⁷ Карлей М.Дж. Тайная война: Запад против России, 1917–1930. М., 2019. С. 55.

дал «формулу, которую с удовольствием повторяли французы: [большевизм —] это нарыв, который лопается»¹⁸.

Очевидно, что Чичерин и его деятельность не подходили под указанные стереотипы. Однако это не означало, что французские наблюдатели не воспринимали его как большевика и противника — напротив, он предстал в качестве более опасного врага, не выдававшего себя с первого взгляда. В докладе от 26 октября 1918 г. бывший военный атташе Франции в Российской империи генерал Ж. Лавернь полагал, что, «благодаря своей проницательности и двуличности, этот человек (Чичерин. — *И.М.*) подходит для проведения такой же, как и он сам, внешней политики»¹⁹.

Оценки, схожие с теми, что дал Лавернь, присутствовали и годы спустя, даже на фоне постепенного накопления более подробной информации о наркоте. Одновременное подчёркивание компетенции Чичерина и якобы его низких моральных качеств было характерно для ряда позднейших французских оценок. В апреле 1922 г. Годен де Виллен, происходивший по матери из российского дворянского и баронского рода фон Николаи и полушутя признававшийся в дальнем родстве с Чичеринными, нарисовал в интервью газете «Галуа» в целом нелицеприятный портрет наркома по иностранным делам РСФСР. Признавая образованность и дипломатические таланты Чичерина, французский сенатор не только называл его «противником», но и приписывал ему желание «уничтожить всё здание западной цивилизации». Годен де Виллен изображал Чичерина беспринципным человеком («большевизм [для него] — лишь инструмент для действия»), якобы успешно преумножившим своё состояние в период революции и Гражданской войны. Однако, когда Чичерин проявил своё дипломатическое искусство и эрудицию на Генуэзской конференции, сенатор признал: «Эти большевики, которые находятся в Генуе, продемонстрировали, что могут быть вежливыми, проницательными, изощрёнными, т.е. дипломатами до мозга костей. Союзникам необходимо быть начеку»²⁰.

В этом смысле эволюция французских оценок Чичерина оставалась внутренне противоречивой. Имелось своеобразное «ядро» суждений, которое мало подвергалось трансформации. В него входило представление о некоей «двуличности» и цинизме наркома, об отсутствии у него ярой приверженности революционным доктринам. Вместе с тем постепенно нарастало представление о достаточно высоком уровне компетенции и дипломатического мастерства Чичерина, его прагматизме и готовности к компромиссам. Решающую роль сыграли события Генуэзской и Лозаннской конференций.

Портрет Чичерина, составленный Годен де Вилленом, в немалой степени соответствовал тем представлениям о неприятном для французских элит образе умного и образованного большевика, который не укладывался в рамки стереотипа о мужике «с ножом в зубах». В одном из донесений начала 1919 г. посланник Франции в Швеции Л.Ш. Делаво характеризовал видного деятеля РКП(б) Д.З. Мануйльского как «одного из наиболее опасных советских лиде-

¹⁸ В момент написания этого письма бывшему российскому послу в США Б.А. Бахметеву (5 апреля 1922 г.) сам Маклаков исходил уже из другой метафоры: «Это не был нарыв, это была гангрена» («Совершенно лично и доверительно»: Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951. В 3 т. Т. 2. М.; Стэнфорд, 2001. С. 248).

¹⁹ Rapport de Lavergne, 26 octobre 1918 (SHD/DAT, 6N 53).

²⁰ М. Tchitcherine. Quelques souvenirs personnels...

ров, поскольку он является умным и гибким»²¹. Представление Годен де Виллена, что ряд мер советского правительства приносит, среди прочего, личную выгоду большевистской верхушке, в том числе и Чичерину, разделяли в МИД Франции (Кэ д'Орсэ). В неподписанной записке от 19 октября 1922 г. цели введения советской властью монополии внешней торговли были описаны следующим образом: «1) взимание пошлин для государства; 2) ограничение операций, которые могут негативно сказаться на экономической ситуации [в стране]; 3) личная выгода, получаемая “контролёрами”»²². Французский посланник в Эстонии Л.М. де Вьен и вовсе характеризовал большевизм как «триумф авторитарной олигархии» и «тиранию банды, которая грабит и уничтожает»²³.

Однако словесный портрет Чичерина, данный главой французской делегации на Генуэзской конференции, министром юстиции Л. Барту, был более нюансированным. В нём отразилась некоторая эволюция, хотя и не абсолютная трансформация образа наркома, произошедшая по итогам личного общения, полного полемики²⁴. В письме от 16 апреля 1922 г., направленном председателю Совета министров и министру иностранных дел Франции Р. Пуанкаре, не пожелавшему приехать в Геную, Барту писал: «Господин Чичерин имеет быстрый, встревоженный взгляд и говорит шепелявым голосом, внезапно извергая на собеседника обильные потоки слов. Чувствуется, что он может обсуждать тот или иной вопрос, просто болтать или придирается целыми часами, сохраняя при этом один и тот же спокойный тон, не допуская ни нотки в своём голосе, которая говорила бы, что он хочет в чём-то вас убедить. Этот бывший секретарь посольства²⁵ знает литературу и историю, к которой он умело апеллирует для поиска сравнений и сопоставления советской революции с революциями в других странах. Он комбинирует иронию с заносчивостью деклассированного аристократа... При этом господин Чичерин был бы удивлён тем, что мы всерьёз принимаем его аргументацию. Имея острый ум, он сам чувствует слабость своих аргументов и, отыграв свою роль, лукаво улыбается, удовлетворённый тем, что сумел не споткнуться и не попасться»²⁶. Исследователь, комментировавший пассажи из этого письма Барту, находил в них «смесь презрения и восхищения»²⁷.

Ключевыми вопросами, которые интересовали французских дипломатов и политиков, являлись место Чичерина в советской властной иерархии, степень его влияния на принятие решений Москвой, а также характер той внешнеполитической ориентации, которую отстаивал нарком. По всем этим вопросам количество достоверной и точной информации, имевшейся в МИД Франции, было относительно небольшим ввиду отсутствия официальных дипломатиче-

²¹ Цит. по: *Debo R.K.* The Manuiskii Mission: An Early Soviet Effort to Negotiate with France, August 1918 – April 1919 // *The International History Review*. Vol. 8. 1986. № 2. P. 226.

²² Note «Sur quoi a porté et porte la Nationalisation», 19 octobre 1922 (АМАЕ. 118 РААР 67. Fol. 83).

²³ De Vienne a Poincaré, 30 mai 1924 // DDF. 1924. Vol. 1. Bruxelles, 2013. P. 503.

²⁴ См., например, дискуссию между Чичериным и Барту 10 апреля 1922 г., на первом пленарном заседании конференции (Материалы Генуэзской конференции (подготовка, отчёты заседаний, работы комиссии, дипломатическая переписка и проч.). М., 1922. С. 82–84).

²⁵ По всей видимости, Барту перепутал должность Чичерина в Санкт-Петербургском главном архиве МИД, которую он занимал в 1898–1901 гг. (коллежский секретарь, с 1901 г. – титулярный советник), с дипломатической должностью «секретарь посольства» (*Турилова С.Л.* Документы о Г.В. Чичерине в АВПР // *Новая и новейшая история*. 1990. № 5. С. 218).

²⁶ DDF. 1922. Vol. 1. Bruxelles, 2007. P. 486.

²⁷ *Карлей М.Дж.* Указ. соч. С. 128.

ских отношений и общей затруднённости тогдашних контактов между Третьей республикой и Советским государством²⁸. 11 июня 1923 г. военный министр А. Мажино, убеждая Пуанкаре не идти на ликвидацию в целях экономии французской военной миссии в странах Балтии, сделал характерную ремарку: «Россия по-прежнему остаётся до такой степени непроницаемой, что важно и необходимо сохранить один из редких и наилучших источников информации»²⁹. Ответы, имевшиеся в Париже на отмеченные выше вопросы о Чичерине, были в лучшем случае приблизительными и зачастую упрощали более сложные реалии советской дипломатии. Вместе с тем они нередко схватывали реальные факты и обстоятельства.

В октябре 1918 г. Лавернь полагал, что «Чичерин всё же не имеет такого же статуса, каким обладают Ленин и Троцкий»³⁰. Даже с течением времени и по мере того, как нарком по иностранным делам приобретал известность во французской и международной общественности, сомнения в его политическом весе внутри Советского государства не исчезали. Хотя Генуэзская конференция во многом укрепила имидж Чичерина, в июне 1922 г. глава так называемой русской службы МИД Франции и бывший консул в Москве Ж.Ф. Гренар, размышляя о раскладе сил внутри советского руководства, не сомневался в том, что нарком находится «в немилости, по крайней мере в настоящее время», на что указывало его длительное отсутствие в РСФСР. В самой ситуации предполагаемой опалы Чичерина Гренар видел проявление того, что «борьба между ортодоксами и оппортунистами [в советском руководстве] приняла крайне ожесточённый характер»³¹. Участившиеся затем поездки Чичерина за границу «на лечение», а также его специфические отношения с заместителем М.М. Литвиновым, который выступал не столько подчинённым, сколько «со-наркомом», продвигавшим подчас собственную точку зрения на те или иные международные вопросы, укрепляли французскую дипломатию в скепсисе по поводу внутривластного влияния Чичерина.

Литвинов (иногда — на контрасте с Чичериным) предстал в оценках МИД Третьей республики как беспринципный пропагандист, чьи заявления не соответствовали действительности. Так, 23 июня 1923 г. в телеграмме для французских дипломатических представителей за рубежом Пуанкаре суммировал содержание предполагаемого циркуляра Литвинова, который, согласно французским сведениям, обвинял Францию и другие западные державы в «военных приготовлениях» против СССР. Пуанкаре призывал опровергать подобную информацию и не давать Москве зарабатывать на ней политические очки³². В январе 1922 г., на фоне слухов о возможной ликвидации ЧК, французская дипломатия даже не исключала того, что Литвинов и Я. Ганецкий возглавят некую «секретную ЧК», якобы созданную вместо официальной³³.

²⁸ О сложностях, с которыми сталкивались французские путешественники в Советскую Россию, см.: *Képe C.* Механизмы дипломатического признания СССР Францией в 1924 г. и разработка ментальной карты Европы по материалам французских путешественников в СССР // Российские и славянские исследования. Сборник научных трудов. Вып. 10. Минск, 2015. С. 149–157; *Mažuy R.* Croire plutôt que voir? Voyages en Russie soviétique (1919–1939). P., 2002.

²⁹ DDF. 1923. Vol. 1. Bruxelles, 2010. P. 657.

³⁰ Rapport de Lavergne, 26 octobre 1918 (SHD/DAT, 6N 53).

³¹ Note de Grenard pour Peretti, 21 juin 1922 (AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 113 R-V).

³² DDF. 1923. Vol. 1. P. 704.

³³ Note du Ministère des Affaires étrangères «Impressions de Gorky sur la situation en Russie», 5 janvier 1922 (AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 38).

Сама внешность Литвинова и, возможно, его прошлая репутация как «некабинетного» революционера и одного из организаторов экспроприаций, приводила к тому, что французские наблюдатели подчас противопоставляли его более изящному и дипломатичному Чичерину. В апреле 1922 г. Барту писал: «Господин Литвинов — это другая раса и другой мир. Круглолицый, с золотым лорнетом, за которым скрываются бегающие глаза, он говорит мало, будто стесняясь находиться здесь, где его расспрашивают почти как подсудимого... Он не пускается в объяснения, в которых он, без сомнения, запутался бы, и даже готов согласиться, испуская неловкий германский смешок, далёкий от улыбки господина Чичерина, что можно сойтись и на меньшей сумме (чем 50 млрд руб. советских контрпретензий, о которых говорил Литвинов в Генуе. — *И.М.*). Этот грубый сектант внушает физическое отвращение и вызывает такое недоверие, что вести переговоры с ним оказывается практически невозможно. Но, по всей видимости, он — в деле, и с его дерзостью надо считаться»³⁴. Как можно заметить, образ Литвинова-доктринёра в описании Барту был не только далёк от образа будущего наркома, сторонника сближения с западными странами в 1930-е гг., но и напрямую противопоставлялся Чичерину. Последний, как считал глава французской делегации, занимал более прагматичную и циничную позицию.

При констатации относительной слабости властных позиций Чичерина, представление о наркоме как об одном из видных представителей «умеренного лагеря» в руководстве Советского государства было важным для Парижа. Так, на Кэ д'Орсэ отмечали «крайнюю сдержанность» заявлений наркома для прессы в сентябре 1922 г., в период обострения ситуации вокруг кемалистской Турции (так называемый Чанакский кризис)³⁵. Даже та критика, которую Чичерин обрушивал на западные державы в декабре 1922 г. в ходе Лозаннской мирной конференции, рассматривалась французской дипломатией как тактический ход. В МИД Франции полагали, что нарком в итоге примет условия западных стран по режиму Черноморских проливов, дабы «подписать итоговый акт и войти тем самым в политические отношения с [западными] державами»³⁶. Образ Чичерина как представителя условного «умеренного» крыла советского руководства дополнял и то, что он нередко рассматривался как антипод более радикальной линии Коминтерна. Как писал социалист Ж. Лонге в сентябре 1921 г., «внешняя политика Чичерина и Красина, вероятно, нередко сталкивается с оппозицией в лице фанатиков Третьего Интернационала во главе с Зиновьевым»³⁷.

Размышления о предполагаемой борьбе «ортодоксов» и «оппортунистов» в Москве и о роли Чичерина как одного из представителей второй группы приобрели для французской дипломатии особую значимость по мере прогрессировавшей болезни В.И. Ленина, который воспринимался в Париже как признанный и практически незаменимый лидер большевиков³⁸, управлявший страной

³⁴ Barthou a Poincaré, 16 avril 1922 // DDF. 1922. Vol. 1. P. 486.

³⁵ Note de Grenard pour Peretti, 22 septembre 1922 // DDF. 1922. Vol. 2. Bruxelles, 2008. P. 316.

³⁶ Barrère a Poincaré, 7 décembre 1922 // DDF. 1922. Vol. 2. P. 567. О дипломатии Чичерина на Лозаннской конференции см.: *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг. От интервенции к признанию. СПб., 2019. С. 423–432; *Хормач И.А.* Советская Россия на Лозаннской конференции по урегулированию на Ближнем Востоке (1922–1923 годы) // Новая и новейшая история. 2019. № 2. С. 74–92.

³⁷ *Longuet J.* La politique étrangère de la Russie des Soviets // Le Populaire. 1921. 29 septembre.

³⁸ Rapport de Lavergne, 26 octobre 1918 (SHD/DAT, 6N 53).

и партией «с характерной жёсткостью»³⁹ и ставивший на ключевые посты своих «верных учеников»⁴⁰.

Основываясь на информации, поступавшей из белоэмигрантских кругов, Гренар отметил в записке от 21 июня 1922 г.: «Подтверждено, что Ленин страдает от “*tabes dorsalis*” (форма нейросифилиса. — *И.М.*) в очень поздней стадии. Не может быть и речи о его выздоровлении»⁴¹. Тогда же Гренар наметил наркома по военным делам РСФСР Л.Д. Троцкого в преемники Ленина, подчёркивая, однако, что эта кандидатура встречает «сильную оппозицию»: «Троцкий нажил себе многих врагов из-за своего презрительного отношения и жестокости, а также ввиду демонстративного тщеславия, более невыносимого, чем спокойная гордость Ленина. Его искренняя приверженность коммунизму также не вызывает большого доверия. К тому же люди, окружающие его в Военном комиссариате, провоцируют опасения. Также опасаются установления Троцким военной диктатуры»⁴².

В декабре 1923 г. в МИД Франции исходили из наличия «очень ожесточённого конфликта, который разгорается в настоящее время в Центральном комитете Российской коммунистической партии между экстремистами и сторонниками компромисса с зарубежными капиталистами»⁴³. В подробной записке от 27 июня 1924 г. французский посланник в Латвии Д. де Мартель сообщал своему руководству о сохранявшихся внутренних разногласиях в Москве: «Троцкий, Чичерин и Красин в противовес Политбюро, которым управляют Зиновьев, Каменев и Сталин, группируют вокруг себя оппозицию, стремящуюся к демократизации партии, а также к тому, чтобы она не была построена исключительно на теоретических доктринах»⁴⁴.

Если французские дипломаты были готовы подчас подчёркивать сходство взглядов Троцкого и Чичерина по некоторым внутривластным вопросам, то продвигаемая ими внешнеполитическая ориентация Страны Советов, как полагали в Париже, различалась. В ноябре 1922 г., вскоре после громкого визита в Советскую Россию крупного французского политика, председателя партии радикалов и радикал-социалистов Э. Эррио, посланник Франции в Эстонии А. Жильбер подчёркивал, что Ленин и Чичерин были единомышленны в своих призывах «к проведению политики франко-русской дружбы»⁴⁵. Напротив, Троцкий традиционно предстал во французских оценках как один из лидеров «прогерманской» фракции в Москве. Считалось, что нарком по военным и морским делам РСФСР буквально окружён немецкими военными советниками, являясь одной из центральных фигур советско-германского взаимодействия.

³⁹ Note de Service, 28 janvier 1922 (АМАЕ. 118 PAAP 67. Fol. 62).

⁴⁰ General Headquarters Cairo (Mésopotamie) a War Office, 28 juin 1920 (SHD/DAT, 7N 3119).

⁴¹ Note de Grenard pour Peretti, 21 juin 1922 (АМАЕ. 118 PAAP 67. Fol. 113).

⁴² АМАЕ. 118 PAAP 67. Fol. 113–113 R-V. О более ранних французских оценках в адрес Троцкого см.: Соловьёв О. Ф. Россия 1917: от Февраля к Октябрю глазами французов // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 14; Kriegel A. Le dossier de Trotski a la Préfecture de Police de Paris // Cahiers du Monde russe et soviétique. Vol. 4. 1963. № 3. P. 264–300.

⁴³ Эта точка зрения была сформулирована в записке Кэ д'Орсэ от 28 декабря 1923 г.: DDF. 1923. Vol. 2. P., 2013. P. 785.

⁴⁴ DDF. 1924. Vol. 1. P. 611.

⁴⁵ Gilbert a Poincaré, 14 novembre 1922 // DDF. 1922. Vol. 2. P. 500. О визите Эррио в РСФСР в 1922 г. см.: Лавренова А. В. Поездка Эдуарда Эррио в Советскую Россию в 1922 году (по новым архивным материалам) // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 57–68; Враг, противник, союзник?.. Т. 1. С. 540–554.

24 ноября 1921 г. посланник Франции в Польше Г. де Панафьё сообщал в Париж о немецких надеждах добиться от Антанты послабления военных статей Версальского мирного договора. Берлин, считал французский дипломат, хотел сыграть на слухах о том, что «армия Троцкого» угрожает польским границам⁴⁶. Согласно информации, поступавшей на Кэ д'Орсэ в июне 1922 г., немецкие военные советники, «в особенности генерал Бауэр»⁴⁷, оказывали влияние на непосредственное развитие Красной армии, предлагая увеличить её боеспособность за счёт сокращения численности⁴⁸. Распространяя в ноябре 1923 г. слухи о покушении на Троцкого, якобы приведшем к пулевому ранению, французская пресса подчёркивала, что для лечения наркома приехал «некий специалист из Мюнхена»⁴⁹.

Во французских оценках Чичерин, напротив, нередко представлял деятелем, выступавшим за сближение с Парижем. Подобная информация неоднократно присутствовала в донесениях, поступавших на Кэ д'Орсэ из различных дипломатических миссий и посольств.

В депеше от 16 октября 1922 г. Панафьё описал реакцию официальной Варшавы на визит Эррио в РСФСР. Французский дипломат отмечал: «Поляки считают действительно разумным сократить опции своей русской политики. Они полагают, что варианту англо-германо-русского соглашения, за которое выступают Красин и Литвинов, можно противопоставить франко-польско-русскую комбинацию, к образованию которой призывает Карахан из Варшавы, а Чичерин пытается убедить в этом Москву»⁵⁰.

Даже с началом Рурского кризиса в январе 1923 г. информация о предполагаемом профранцузском настрое Чичерина продолжала поступать. 19 февраля 1923 г. посланник Чехословакии во Франции С. Оуский говорил гр. Э. Перетти дела Рокка, главе управления политических и торговых дел французского МИД, о том, что «именно Чичерин вёл переговоры в Берлине по [предполагаемому советско-германскому] военному договору». Вместе с тем чехословацкий дипломат считал, что «многие немецкие политики не доверяют господину Чичерину. Считается, что он поддерживает контакты с французским правительством с целью заключить политическое соглашение между Францией и Россией»⁵¹.

В Париже полагали, что советский нарком стремился использовать в качестве одного из немаловажных посредников для налаживания отношений с Францией А. Роллена – московского корреспондента влиятельной французской газеты «Le Temps»⁵². Ещё в конце декабря 1922 г. французская разведка фиксировала активные контакты Роллена с Чичериным в Лозанне. Возвраще-

⁴⁶ DDF. 1921. Vol. 2. Bruxelles, 2005. P. 615.

⁴⁷ По всей видимости, речь шла о приближённом к генералу Э. Людендорфу полковнике М. Бауэре. Согласно исследованию М. Мёрфи, Бауэр действительно «посещал Россию в 1922 г. с целью координации российско-германских военных переговоров после Рапалло». См.: *Murphy M. Bauer, Max // 1914–1918-online. International Encyclopedia of the First World War / Ed. by U. Daniel et al. Berlin, 2016 (URL: https://encyclopedia.1914–1918-online.net/article/bauer_max/ (дата обращения 07.07.2021))*.

⁴⁸ Note de Grenard, 21 juin 1922 (AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 114).

⁴⁹ Russie: Trotsky blessé // Journal des débats politiques et littéraires. 1923. 15 novembre.

⁵⁰ DDF. 1922. Vol. 2. P. 410.

⁵¹ Note de Peretti, 19 février 1923 // DDF. 1923. Vol. 1. P. 256.

⁵² О Роллене см.: *Berréby G. Le Faux et son usage // Rollin H. l'Apocalypse de notre temps. P., 2005. P. 7–16. О роли других посредников в советско-французских отношениях периода непризнания см.: Враг, противник, союзник?.. Т. 2. С. 464–502.*

ние журналиста в Париж, как передавала 6 января 1923 г. французская секция централизации разведывательных данных⁵³ на основе информации, полученной из военного атташата в Берне, имело политический смысл. В окружении журналиста поездку связывали с «необходимостью, одобренной Кэ д'Орсэ, дать французской прессе и в особенности "Le Temps" новые директивы в духе увеличения просоветских материалов. Цель — оказать впечатление на Англию и заставить её опасаться франко-советского сближения»⁵⁴.

Из встречи с Ролленом 5 января 1923 г. Перетти вынес впечатление, что его собеседник — «убеждённый сторонник дела большевиков, хотя и не являющийся коммунистом». Информация Роллена о подлинном стремлении Чичерина к нормализации отношений с Францией, начиная с развития торговых связей, и о желании наркома получить письменный ответ от Парижа, вызвала у Перетти негативную реакцию: «Французское правительство не будет давать никакого ответа господину Чичерину. Правительство Советов⁵⁵ предпринимает новую попытку войти в регулярные дипломатические отношения с правительством Франции»⁵⁶. Перетти пригрозил даже придать демарш Чичерина огласке.

Ещё более серьёзное значение имел другой французский контакт наркома — уже упоминавшийся Эррио, в июне 1924 г. ставший председателем Совета министров Франции и инициировавший в итоге признание СССР. Переписка между ним и Чичериным, завязавшаяся после визита французского политика в РСФСР в сентябре—октябре 1922 г., развивалась в дружественном ключе. Ещё до прихода лидера радикалов к власти нарком стремился использовать этот канал связи и стимулировать демарши Эррио перед французским правительством для реализации интересов Москвы по целому ряду вопросов: участие советских республик в Лозаннской мирной конференции 1922—1923 гг.; развитие торговых отношений между СССР и Францией; подготовка дипломатического признания Советского Союза Третьей республикой; благоприятное для Москвы решение вопроса о российских кораблях, уведённых П.Н. Врангелем из Крыма в 1920 г.⁵⁷

Вместе с тем нельзя сказать, что образ Чичерина как условного «франкофила» полностью доминировал в дипломатической информации, поступавшей в Париж. Подчас нарком предстал во французских оценках как прогермански настроенный политик, не сильно отличаясь в этом смысле от Троцкого. Французский разведчик, полковник Э.Л. Досс, предпринявший поездку в Берлин в августе—сентябре 1920 г. и давший широкомасштабный обзор советско-германских связей на тот момент, обратил внимание на фигуру майора В. Шуберта, бывшего военного атташе кайзеровской Германии в России. Досс считал его «главой разведывательной службы в Кёнигсберге» и одним из важных звеньев в отношениях между большевиками и немецкими военными. Примечательно, что Шуберт был охарактеризован французским разведчиком как «друг

⁵³ Section de Centralisation des Renseignements (SCR) — контрразведывательный орган в структуре Разведывательной службы. Последняя функционировала в рамках 2-го (разведывательного) бюро Генштаба французской армии.

⁵⁴ SCR 2/11, D'un bon Informateur, 6 janvier 1923 (AMAE. 117 CPCOM 351. Fol. 4). См. также: *Hogenhuis-Seliverstoff A. Op. cit.* P. 238.

⁵⁵ Перетти, как и другие дипломаты, употреблял выражение «le Gouvernement des Soviets» («правительство Советов»). По всей видимости, это должно было принизить статус последнего и подчеркнуть, что речь не идёт о «регулярном» и признанном правительстве.

⁵⁶ Visite de Rollin a Peretti, 5 janvier 1923 (AMAE. 117 CPCOM 351. Fol. 2).

⁵⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 5. М., 1961. С. 666—667; Т. 7. М., 1963. С. 279—280, 399.

Чичерина»⁵⁸. В апреле 1922 г. Годен де Виллен приписывал Чичерину «ненависть» к Франции⁵⁹. Наконец, в январе 1923 г. французский посол в Германии П. де Маржери не верил тем представителям правительства Веймарской республики, которые опровергали антифранцузский настрой Чичерина⁶⁰.

Официальный Париж также фиксировал жёсткий настрой наркома в отношении стран «санитарного кордона», пользовавшихся разнообразной поддержкой Франции. 6 октября 1922 г. Пуанкаре сообщал Панафье о недавнем заявлении Чичерина в адрес польского МИД. В нём речь шла о том, что «любое активное вмешательство» Румынии в кризис в Малой Азии, где кемалистская Турция противостояла грекам и британцам, «не оставит Россию равнодушной». Через Варшаву Чичерин стремился убедить Бухарест не обострять обстановку⁶¹.

Вышеприведённый анализ демонстрирует, что даже при отсутствии официальных отношений между Москвой и Парижем и при наличии сильных антисоветских настроений во Франции дипломатия Третьей республики стремилась в определённой степени нюансировать образ наркома иностранных дел. Советско-французское взаимодействие даже в этот период не сводилось исключительно к антагонизму, и Чичерин рассматривался как деятель, не питавший непреодолимой неприязни к Франции.

Краткое соотнесение французских оценок Чичерина с некоторыми советскими источниками позволит выявить, насколько суждения дипломатов Третьей республики соответствовали реальной ситуации. В целом близким к действительности было мнение, что нарком отнюдь не являлся полномочным «творцом» советской внешней политики, но пользовался уважением Ленина, который в письме А.А. Иоффе от 1 июля 1918 г. отзывался о Чичерине как о «работнике великолепном, добросовестнейшем, умном, знающем», хотя и признавал за ним «слабость — недостаток “командирства”»⁶².

Попытки французской дипломатии выяснить нюансы в позиции Чичерина, сопоставить её с точками зрения других представителей советского руководства также не были полностью оторваны от реальности. Так, нарком по иностранным делам рассматривался как профранцузски настроенный не только в Париже, но и своими товарищами по партии и правительству. Когда 12 января 1923 г. Политбюро РКП(б), реагируя на начало Рурского кризиса, приняло постановление о публикации воззвания от имени ВЦИК «по поводу насильственной оккупации французами Рурского бассейна и нависшей в связи с этим новой войной над Европой»⁶³, Чичерин был недоволен этим шагом, ломавшим возможность «политического сближения с Францией», о котором размышлял нарком⁶⁴. В письме на имя генерального секретаря ЦК РКП(б) И.В. Сталина от 19 января Чичерин выступил с суровой критикой чрезмерно тесных отношений с Берлином: «Получили ли мы какую-нибудь компенсацию от Германии за то, что мы ультра-германским по содержанию воззванием ВЦИК превратили

⁵⁸ Rapport du colonel Dosse, s.d. [après 11 septembre 1920] (SHD/DAT, 7N 3119).

⁵⁹ М. Tchitcherine. Quelques souvenirs personnels...

⁶⁰ Margerie a Paris, 2 janvier 1923 (AMAE. 117 CPCOM 351. Fol. 1).

⁶¹ DDF. 1922. Vol. 2. P. 371.

⁶² Ленин В.И. ПСС. Т. 50. М., 1970. С. 111.

⁶³ Москва—Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920—1941. Сборник документов / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. Т. 1. М., 2011. С. 96. Воззвание, датированное 13 января, было опубликовано через день. См.: Документы внешней политики СССР. Т. 6. М., 1962. С. 150—152.

⁶⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 6. С. 145.

снова Францию в нашего яростного врага накануне уже подготовленного было восстановления франко-русских отношений»⁶⁵.

Сталин в записке для Политбюро от 29 января заклеил нереалистичность идей Чичерина: «Никакого намёка на соглашение с Францией у нас нет и, думаю, не будет в ближайшее время. Кредиты со стороны Франции в несколько сот миллионов Польше и Румынии — вот основа соглашения, только не с Россией, а против России»⁶⁶. Троцкий в письме Радеку 28 января 1923 г. также отмечал, что Чичерин преувеличивал возможность сближения СССР с Францией и был неправ, полагая, что «вся эта работа сорвана воззванием [председателя ВЦИК М.И.] Калинина»⁶⁷. Отчасти угадывая разногласия в советской внешней политике, Маклаков 1 февраля писал российскому дипломату-эмигранту Б.А. Бахметеву: «Наконец, самый Рур. Тут большевики выступили, и очень крикливо; и, однако, это выступление производит только одно раздражение; выступая за немцев, они в то же время усиленно твердят, что хотят сблизиться с Францией»⁶⁸.

Не было полностью лишено смысла и подчёркивание французскими дипломатами нюансов в позициях Чичерина и его заместителя по НКВД Литвинов на самом деле нередко демонстрировал выраженный антифранцузский настрой. В начале 1924 г. он писал Сталину: «Нет такой страны в мире, где бы мы не сталкивались с противодействием Франции нашим интересам и нашим стремлениям. Свою антисоветскую активность она проявляет буквально везде и повсюду. Она не позволяет войти в сношения с нами Юго-Славии [*sic*], Греции; она давит на Муссолини и не даёт ему пойти на соглашение с нами; она формально обязывает Чехо-Словакию [*sic*] не расширять и не углублять взаимоотношения с нами; она поднимает скандал в Латвии, вследствие провоза через Ригу в СССР одного аэроплана; она интригует против нас в Дании и Швеции, и везде, где только может»⁶⁹.

Однако говорить о какой-то неизменной приверженности или антипатии к Франции в случае Чичерина и Литвинова не приходилось: оба советских дипломата готовы были варьировать (в определённых пределах) своё отношение к Третьей республике в зависимости от менявшейся международной ситуации. В конце 1924 г. Литвинов полагал, к примеру, что «успех и сохранение более или менее дружественных отношений с Германией возможны лишь при одновременном создании [Москвой] прочных опорных пунктов хотя бы в одной из крупных стран Европы — Франции или Англии»⁷⁰. В этом отношении можно согласиться с мыслью канадского историка М.Дж. Карли (Карлея): «Историки и современники часто называли Чичерина прогерманским, а Литвинова пробританским дипломатом. Это не так: оба они были просоветскими. Их общей заботой была первоочередная защита интересов Советского государства»⁷¹.

⁶⁵ Москва—Берлин... Т. 1. С. 100—101.

⁶⁶ Там же. С. 109.

⁶⁷ РГАСПИ, ф. 326, оп. 2, д. 21, л. 17.

⁶⁸ «Совершенно лично и доверительно!»... Т. 2. С. 469—470.

⁶⁹ Цит. по: *Завадский А.Н.* Проблемы становления советско-французских отношений в 1923—1924 годах // Россия: цивилизация, патриотизм, культура. Материалы V всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. М., 2003. С. 79—80.

⁷⁰ Тезисы Литвинова для доклада об экономических и политических отношениях СССР с Германией, б.д. [не позднее 31 декабря 1924 г.] // Москва—Берлин... Т. 1. С. 453.

⁷¹ *Карлей М.Дж.* Указ. соч. С. 104.

Вместе с тем инструменты и способы защиты этих интересов, предлагавшиеся двумя дипломатами, нередко имели свои нюансы и отличия.

При всей ангажированности и наличии очевидного антисоветского настроения в большинстве французских дипломатических документов, касавшихся личности и деятельности Чичерина, изучение этих источников ценно ещё и тем, что в них отражён специфический «взгляд со стороны» и проговорены те аспекты, вероятность обсуждения которых в самих советских материалах достаточно мала. Помимо фиксации разного рода субъективных моментов (восприятие дипломатического стиля, личности и фигуры Чичерина иностранцами-наблюдателями), можно отметить и другое обстоятельство. Во французских документах некоторое отражение получила реально существовавшая дифференциация в среде советского руководства. Речь шла не только о разнообразии внешнеполитических опций, острые дискуссии о которых в Москве были характерны для рассматриваемого периода, но и о социально-культурных и национальных различиях среди большевиков.

Чичерин как представитель старых и «титulyных» элит императорской России, связавший свою жизнь с революционной активностью, но занимавшийся преимущественно партийно-организационной деятельностью (подобная траектория в некоторой степени роднила его с Лениным), действительно отличался от многих своих соратников. Например, от большевиков-пролетариев или разночинцев, нередко не принадлежавших к «титulyной нации», и чей революционный путь часто был сопряжён с акциями более радикального порядка (Сталин, Литвинов, Орджоникидзе и др.). Пусть и в упрощённом виде, но французские оценки схватывали подобную неоднородность советского руководства.

Таким образом, обобщая представления французских дипломатов и публицистов о Чичерине, его месте в советской властной иерархии, влиянии на принятие решений и о характере продвигаемой им внешнеполитической ориентации, можно прийти к следующим выводам. В Париже не считали, что политический авторитет Чичерина в советской государственной и партийной элите непререкаем, а его позиции незыблемы. Вместе с тем французские наблюдатели, как правило, отмечали тесный характер взаимоотношений между наркомом и Лениным.

Чичерин нередко предстал во французских оценках в качестве представителя «умеренного» крыла советского руководства, выступавшего за налаживание контактов с Западом, подчас — даже в качестве сторонника сближения с Францией и условного «франкофила». В подобном качестве Чичерина противопоставляли «германофилу» Троцкому. Однако такой образ не был единственным во французских дипломатических оценках. В МИД Третьей республики нередко считали, что нарком по иностранным делам также проводит линию на развитие тесных контактов с Германией и занимает жёсткую позицию в отношении стран-лимитрофов, что вызывало в Париже серьёзную обеспокоенность. Если французские оценки в адрес Чичерина схватывали ряд реальных черт и элементов его дипломатии, то в неменьшей степени они отражали собственные французские страхи и опасения.